

РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ШАХТЕРОВ РОССИИ В 1990-е гг.

Представлен анализ основных методов решения социально-экономических проблем шахтеров России в 1990-е гг. Делается вывод о том, что, несмотря на положительный результат, в сфере угольной промышленности сохранился ряд острых вопросов, ответственность за решение которых перешла к владельцам предприятий. Однако институциональные основы их социально-экономической деятельности были еще в зачаточном состоянии, что способствовало консервации командно-административных методов решения жизненно важных проблем российских шахтеров.

Ключевые слова: Россия; либерализация; шахтеры; социально-экономические проблемы; решение.

Мощные шахтерские выступления, проходившие под лозунгами социально-экономического характера, являлись катализатором многих важных исторических событий. Однако в отечественной историографии до сих пор отсутствует целостный взгляд на действия органов власти и управления по решению социально-экономических проблем рабочих в такое сложное для угольной промышленности время, как 1990-е гг. К анализу социально-экономических проблем шахтеров исследователи, как правило, прибегали в моменты острых социально-трудовых конфликтов. При этом оценки социально-экономической политики в сфере угольной промышленности среди ученых-обществоведов существенно отличаются. Для большинства ученых-экономистов характерны положительные взгляды на либеральные реформы в угольной промышленности. В то время как среди социологов доминирует негативное восприятие социально-экономической ситуации, которая тогда сложилась даже в относительно успешных углепромышленных территориях. Таким образом, анализ заявленной темы позволяет дополнить отечественную историографию материалом, формирующим более широкое представление об экономических и социальных процессах в 1990-е гг. как на уровне отдельной отрасли, так и в общегосударственном масштабе.

Цель исследования – выявить основные уровни, подходы и методы решения социально-экономических проблем шахтеров России в 1990-е гг.

Рассматриваемый период – это время быстрых и радикальных трансформаций во всех сферах российского общества. Данное обстоятельство отразилось на исходных позициях теоретической и методологической базы исследования. Сложно опереться на какую-либо одну теорию в анализе такого неоднозначного и весьма противоречивого исторического явления, как действия органов власти и управления по решению социально-экономических проблем шахтеров. Поэтому авторы статьи ориентировались на те концепции, которые в наибольшей мере способствуют достижению поставленной цели, – цивилизационный и модернизационный подходы. В контексте данных подходов решение социально-экономических проблем российских шахтеров в 1990-е гг. предстает как процесс утверждения не только новых, либеральных порядков, но и формирования нового, рыночного мышления.

В ходе исследования использовались две группы методов: общенаучные и специально-исторические. Из общенаучных были использованы метод класси-

фикации, анализ, синтез и метод статистической обработки материала. Из специально-исторических методов исследования широкое применение нашли сравнительно-сопоставительный метод, историко-типологический анализ, сравнительно-исторический, историко-системный, а также проблемно-хронологический, который сыграл ключевую роль в определении характера решений социально-экономических проблем шахтеров и в формулировании заключительного вывода.

Авторы статьи опираются на различные группы источников: нормативно-правовые, делопроизводственную документацию, периодику, статистические и справочно-статистические материалы. Основополагающую роль в формировании объективного представления о происходивших процессах сыграла делопроизводственная документация, извлеченная из фондов федеральных (Государственный архив Российской Федерации), региональных (Национальный архив Республики Коми, Государственный архив Кемеровской области, Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области, Государственный архив Ростовской области) и муниципальных (Архивный отдел администрации Артемовского городского округа, Архив Партизанского городского округа (Приморский край)) архивов. Центральное место в использованной делопроизводственной документации занимают стенограммы и протоколы. Они как составная часть официальной документации встречаются в делопроизводстве фактически всех организаций, подвергшихся исследовательскому анализу. Стенограммы и протоколы имеют непревзойденное преимущество по сравнению с другими источниками: они содержат сведения, которые отражают анализ собственных действий по решению социально-экономических проблем шахтеров. В целом использованный автором комплекс источников позволяет проанализировать и полно оценить основные аспекты рассматриваемой темы.

Решение социально-экономических проблем шахтеров России в 1990-е гг. кардинально отличается от аналогичной деятельности в предыдущий, «перестроенный» период. Переход от плановой модели экономики к рыночным отношениям в корне изменил формат взаимоотношений между шахтерами и представителями органов власти и управления. При этом надежды рабочих угольной промышленности на поступательное повышение качества жизни довольно быстро развеялись, их жизненный уровень стремительно снижался [1. С. 131]. В сложившихся условиях предьявлять пре-

тензии к государству было сложно, так как угледобывающие предприятия получили существенную экономическую свободу, хоть и сохраняли определенную зависимость от центральных органов управления отраслью. В силу широкого спектра причин, прежде всего, убыточности угольной промышленности, в начале 1990-х гг. медленными темпами в отрасль продвигался частный собственник. Таким образом, российские шахтеры оказались в социально-экономическом тупике. Наиболее эффективным способом выхода из него стали акции протеста, которые вынуждали привлекать к себе внимание представителей органов власти и управления.

Конечно, социально-экономические проблемы шахтеров не выглядели уникально на фоне общероссийского спада уровня жизни трудящихся. Между тем угольная промышленность являлась одной из базовых отраслей народного хозяйства, где трудились сотни тысяч рабочих. К тому же отраслевая специфика, а также лидерство горняков в рабочем движении страны заставляли органы власти и управления более внимательно относиться к социально-экономическим проблемам в сфере угольной промышленности. Власть довольно быстро осознала недостаточность и малоэффективность использования только политических инструментов в купировании шахтерского недовольства. Требовалась системная работа в повышении экономической эффективности предприятий, а также усиление социальной защищенности горняков. Отрасль нуждалась в новом формате отношений, а также в организации деятельности новых учреждений, которые бы обеспечили решение наиболее острых проблем рабочих – безработица, переселение из районов Крайнего Севера и т.д. Нельзя утверждать, что Президент и Правительство РФ абсолютно дистанцировались от шахтерских проблем. Между тем денег в бюджете на решение вопросов угольной промышленности становилось все меньше. Соответственно, централизованно решать социально-экономические проблемы горняков было все труднее. Поэтому искать выход из кризисной ситуации, в которой оказалось подавляющее большинство шахт и разрезов, пришлось непосредственно их администрациям. Главной опорой в решении наиболее острых вопросов жизнедеятельности предприятий являлась местная и региональная власть. Последняя, совместно с федеральным центром, стала одним из активных участников процесса выработки нового механизма функционирования отрасли, а также ключевым проводником политики социальной защиты населения углепромышленных территорий. Со временем укреплялись место и роль Правительства РФ в решении социально-экономических проблем шахтеров. Таким образом, выделяются три основных уровня в решении шахтерских проблем: администрации предприятий, местная и региональная власть, Правительство РФ. Анализ деятельности каждого уровня позволяет выявить общее и особенное в решении социально-экономических проблем шахтеров, а также определить причины и факторы, сдерживавшие системную работу.

В начале рассматриваемого периода инициатива решения социально-экономических проблем шахтеров принадлежала руководству шахт и разрезов. Эйфория от экономической свободы быстро прошла, а

решать даже такие элементарные вопросы рабочих как, например, выплата зарплаты, становилось все сложнее. Низкая конкурентоспособность подавляющего большинства отечественных шахт и разрезов заставляла их управленцев думать не столько о перспективах развития, сколько об экономическом выживании в условиях макроэкономического спада и либерализации угольного рынка России. Оснований надеяться на помощь из федерального и регионального центров становилось все меньше, так как денег в бюджете не было, отсутствовала и целенаправленная политика сверху. В то же время усиление акций протеста, которые проводились под лозунгами социально-экономического характера, вынуждали директорский корпус действовать активнее и эффективнее. В конечном счете все действия начальства свелись к самостоятельному поиску внутренних резервов. Надо признать, там, где руководство справлялось с поставленными задачами, горняки не чувствовали серьезных потрясений. Наиболее значимыми действиями со стороны администраций шахт и разрезов стали новые подходы к хозяйствованию, кадровые перемены, активный поиск инвесторов, быстрые решения актуальных социально-экономических проблем рабочих и т.д. Для поддержания уровня жизни рабочих использовались и нестандартные меры – бартер, взаиморасчеты и т.п.

В начале 1990-х гг. относительно успешно складывалась социально-экономическая деятельность на шахтах и разрезах Кузбасса [2. Л. 4]. Соответственно, и решение социальных проблем рабочих здесь происходило более качественно. Имелись хоть и редкие, но показательные факты осуществления социальной поддержки высвобождаемых работников шахт и разрезов. К примеру, на предприятиях ОАО «Кузбассразрезуголь» уже в 1994 г. было создано более 300 новых высокоэффективных рабочих мест. Началось изготовление строительных материалов на базе местного сырья и отходов. Здания и сооружения закрываемых участков широко использовались для ремонта подвижного железнодорожного состава и локомотивов, для организации станций технического обслуживания, переработки сельскохозяйственного сырья и производства швейных и трикотажных изделий [3. С. 167]. Подобные примеры являлись весьма показательными и позволяли актуализировать в СМИ роль субъективного фактора в решении производственных вопросов.

Однако вплоть до середины 1998 г. социально-экономическая ситуация в сфере угольной промышленности усугублялась, что выразилось в повсеместных и долговременных задержках заработной платы рабочим. Поэтому руководители углепромышленных предприятий продолжали самостоятельно решать производственные и социальные проблемы. Процесс самостоятельного выхода из кризисной ситуации выражался в основном в двух формах – это отказ от собственных экономических обязательств и оптимизация производственной деятельности. Первый вариант решения вопроса выразился в том, что многие предприятия сначала перестали платить налоги в бюджет государства, а потом и отказались платить железной дороге за грузоперевозки [4. С. 3]. В условиях системно-

го кризиса и всеобщих неплатежей это выглядело «нормально».

Директора шахт и разрезов были вынуждены еще более активно заниматься оптимизацией производственного процесса, внимательнее относиться к проблемам рабочих, быстрее осваивать законы рынка и т.д. С их стороны чаще использовались жесткие методы в отношении потребителей продукции, посреднических организаций, нарушителей трудовой дисциплины, оказывалось большое внимание модернизации оборудования [5. Л. 34] и т.д. Наиболее успешные из них перешли на более высокие управленческие должности, например, С. Денисенко. На рубеже 1997–1998 гг. ему удалось вернуть шахту «Полысаевскую» в разряд передовых угольных предприятий Кузбасса [6].

Увеличение с конца мая 1998 г. финансирования отрасли из федеральных источников значительно облегчило положение шахтерских предприятий и населенных пунктов. Однако ситуация оставалась сложной, так как, во-первых, выделенных средств оказалось меньше обещанного (в том числе и потому, что Правительство РФ опасалось цепной реакции). Во-вторых, одноразовый взброс денег не решал таких актуальных проблем угольщиков, как рентабельность предприятий, стабильная зарплата и т.д. Администрациям предприятий приходилось заниматься поиском альтернативных вариантов сбыта продукции, оперативно решать вопросы обеспечения безопасности производственного цикла, поддерживать функциональные возможности предприятий, обеспечивать техническое перевооружение шахт [7] и т.д. В крайних случаях (например, угроза летального исхода во время голодовок рабочих) руководители предприятий использовали быстрые и нестандартные решения по выплате заработной платы. Весьма распространенными вариантами «нахождения» денег являлись распродажа второстепенного имущества, а также банковские кредиты, которые директора шахт и разрезов брали под огромные проценты [8. Л. 156].

В целом действия руководителей предприятий позволили в наиболее сложное для угольной промышленности время сохранить производственный потенциал и оказать рабочим адресную социальную помощь. Методы самостоятельного выхода угледобывающих предприятий из экономического кризиса, несомненно, сыграли важную роль в решении острейших социальных вопросов горняков, но они имели объективную ограниченность.

Главной опорой в социально-экономической деятельности руководителей углепромышленных предприятий стали органы местной и региональной власти. Высокая степень совместной заинтересованности в успешном решении жизненно важных вопросов шахтеров стимулировала поиск путей выхода из кризисного положения, в котором оказалась угольная промышленность, а вместе с ней и смежные отрасли местного и регионального хозяйства. Такие усилия наиболее очевидны были в ведущих углепромышленных территориях – Кемеровской и Ростовской областях, Республике Коми и Приморском крае. Здесь органы региональной и местной власти оказывали разностороннюю помощь предприятиям угольной про-

мышленности. Наиболее важными в их деятельности являлись: не прекращавшаяся борьба с попытками быстрого, часто необоснованного и безответственного закрытия шахт; отстаивание дополнительных мер финансовой поддержки шахтерских городов и поселков.

Региональными и местными администрациями предпринимались конкретные меры поддержания производственных возможностей шахтерских предприятий: предоставлялись отсрочки и рассрочки по уплате налогов; составлялись графики поэтапного погашения недоимок; проводилась реструктуризация задолженности в бюджеты на долгосрочный период, давались ссуды и т.д. [9. С. 324; 10]. С их участием решались вопросы погашения задолженности рабочим, изыскивались новые способы социальной защиты трудящихся и их семей, создавались условия по развитию предпринимательства, снижались объемы бартерного расчета и уровня железнодорожных тарифов, обеспечивалась занятость населения [11. Л. 19; 12; 13] и т.д. В середине 1990-х гг. финансовое бремя предприятий было облегчено благодаря полной передаче городской социальной инфраструктуры в ведение муниципалитетов.

Появились и новые формы защиты социально-экономических интересов углепромышленных территорий. В 1995 г. десятки шахтерских городов и поселков решили объединить усилия по защите общих интересов, что привело к созданию Ассоциации шахтерских городов (АШГ). Основная цель данной организации заключалась в консолидации и координации работы администраций углепромышленных городов и поселков, защите социально-экономических интересов их населения. АШГ стала противовесом отраслевым интересам шахтерских профсоюзов и приватизировавшихся угольных компаний. Во многом благодаря ее деятельности удалось наладить поступление средств на социальные программы без дополнительных этапов и посредников, а следовательно, без риска коррупции [14. С. 44].

Деятельность АШГ способствовала реализации важных социальных программ на муниципальном уровне и обеспечению социальных гарантий горнякам и членам их семей, а также содействовала динамичному и рациональному развитию экономики шахтерских городов и поселков. Данная организация участвовала в законотворческой деятельности по решению проблем и защите интересов жителей углепромышленных территорий в Правительстве РФ и Законодательных собраниях с целью принятия соответствующих документов. С деятельностью АШГ напрямую связано увеличение в 1997 г. более чем в полтора раза по сравнению с предыдущим годом количества новых непрофильных для отрасли рабочих мест [3. С. 181]. Учет интересов всех слоев населения того или иного шахтерского города или поселка позволял гасить пламя протеста не только горняков, но и работников бюджетной сферы.

Действия АШГ активно поддерживались региональными администрациями, но в 1998 г. стала очевидна недостаточность потенциала данной организации для решения даже самых острых проблем шахтерских семей. Майский кризис того года актуализировал действия исполнительной власти на местах. С их стороны более внимательно контролировался ход

выполнения социально-экономических обязательств, которые взяло на себя Правительство РФ; больше уделялось внимания развитию малого и среднего бизнеса; изыскивались новые способы повышения сбора налогов в бюджет; реализовывались новые формы поддержки малоимущих семей [15. Л. 1] и др.

В середине 1998 г. в угольной промышленности появились очертания новой институциональной системы социально ориентированного регулирования структурных преобразований в угольной отрасли и углепромышленных территориях. Центральным звеном новой системы стали администрации углепромышленных регионов [16. С. 37]. Они эффективнее регулировали добычу и реализацию угля, а также хозяйственные процессы в смежных отраслях. Особенно заметными в этом направлении были действия губернатора Кемеровской области А. Тулеева, который первым в стране реализовал единую стратегию развития угольной промышленности [17. С. 28–29]. Он прекратил практику совершенно бездумного закрытия шахт и проигнорировал требование МБРР по прекращению строительства новых угледобывающих предприятий. Уже в 1998 г., впервые за все время рыночных преобразований, в Кузбассе удалось остановить падение объемов добычи угля, а в дальнейшем иметь их ежегодный рост.

В укреплении социально-экономической стабильности региональная власть стала использовать широкий арсенал методов воздействия, в том числе и «квазирыночного» характера. Так, например, А. Тулеев ограничил рост важных для областной промышленности тарифов на электроэнергию, уголь и тепло, эффективно возвращал федеральные долги по социальным выплатам, освободил угольную отрасль от посредников, «выдавил» из области «не оправдавшие доверия» компании. В результате более половины промышленных предприятий края оказались под контролем областных властей [18. С. 9; 19]. Здесь раньше и быстрее произошел переход в частные руки угольных предприятий, что позволило стимулировать рост всех технико-экономических показателей, повысить их конкурентоспособность, стимулировать рост инвестиций в угольную отрасль края и т.д. [20. С. 9]. Одним из показателей положительных изменений стало то, что Кемеровская область в 1999 г. вошла в число самых быстро развивающихся регионов России [21]. В том году положительные тенденции наблюдались и в экономике других углепромышленных регионов, даже таких депрессивных, как, например, Приморский край [22. Л. 7].

Региональная и местная власть принимала активное участие в реализации программ по сносу ветхого и строительству нового жилья, а также решению других социальных проблем. Расширение полномочий региональных органов власти позволило активнее привлекать бизнес в реализацию социально значимых проектов. Работники предприятий угольной промышленности получили дополнительные формы поддержки за счет отраслевых соглашений и договоров о социальном партнерстве [23. С. 237]. Увеличивалось количество работников угольной отрасли, направленных на отдых в лечебно-оздоровительные санатории и профилактории, стали проводиться спортивные соревнования среди угольных компаний и т.д. [24. С. 221].

Значимым решением стало предоставление органам местного самоуправления шахтерских городов и поселков права получения средств на программы местного развития [25. С. 29]. Это способствовало снижению коррупции и мобильной доставке дефицитных средств. Дополнительное финансирование и меры органов власти и управления по выводу угольной промышленности из кризиса позволили сдержать развитие негативного сценария в социальной сфере шахтерских городов и поселков страны.

Таким образом, органы местной и региональной власти сумели создать условия перевода шахтерского недовольства в русло кропотливой и позитивной социально-экономической деятельности, а также интенсифицировать деятельность Правительства РФ в решении жизненно важных вопросов населения углепромышленных территорий.

Положительный результат усилий руководителей предприятий и углепромышленных территорий во многом зависел от действий федерального Правительства. Этому способствовала и высокая степень централизации угольной промышленности. Однако до середины 1990-х гг. действия Правительства РФ в решении социально-экономических проблем рабочих носили весьма пассивный характер. Политика главного исполнительного органа страны в этом вопросе, по сути, сводилась к естественному отбору [26. С. 260], после чего все должно было выйти на устойчивые темпы развития. В условиях политической и хозяйственной нестабильности широкие экономические свободы оказались неэффективны. Ослабление «контроля сверху» усилило влияние субъективного фактора, поэтому только некоторые из них сумели воспользоваться новыми преимуществами. По мере обострения ситуации в угольной промышленности все очевиднее становился системный характер ее проблем. Руководители страны помнили крупномасштабные забастовки 1989 г., поэтому им приходилось корректировать избранную в 1992 г. стратегию экономического развития государства. Правительству РФ срочно требовалось решить две основные задачи по выводу угольной промышленности из кризиса: провести системные и кардинальные реформы в отрасли, а также обеспечить высвобожденных горняков другой трудовой деятельностью.

Поскольку процесс реального реформирования шахтерской отрасли затягивался, в 1993 г. был создан орган для оперативного решения ее острых вопросов – Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МВК). Она имела чрезвычайно широкие полномочия, ее решения были обязательны для всех министерств, ведомств и субъектов Федерации. Несмотря на определенный эффект в деятельности МВК, данный орган не обладал ни опытом, ни четкой программой действий. Поэтому деятельность данной комиссии, как правило, становилась заметна в моменты решения наиболее острых социально-трудовых конфликтов.

Вполне оправданным в данной ситуации стал план реструктуризации угольной промышленности, который был принят в 1994 г. Правительством РФ. Данный план предусматривал переход российских шахт и разрезов на уровень рентабельной угледобычи, в том

числе и посредством закрытия неэффективных и опасных в использовании предприятий. Важнейшей задачей реструктуризации являлось обеспечение работой уволенных шахтеров. Однако вплоть до середины 1998 г. темпы увольнения рабочих угольной промышленности заметно превышали запланированные, что провоцировало социально-трудовые конфликты в отрасли. Только создание Правительством РФ в конце 1997 г. таких государственных структур, как «Соцуголь» и «ГУРШ», позволило постепенно отработать организационно-нормативные механизмы реструктуризации и оптимизировать ее финансовую поддержку. Первая организация отвечала за руководство программами местного развития и решение социальных проблем, обусловленных реструктуризацией угольной промышленности, вторая – за организационно-техническое и аналитическое обеспечение работ, связанных с ликвидацией неперспективных и убыточных шахт и разрезов.

Центральной задачей для федеральных органов власти и управления являлось сокращение задолженности по зарплате. Всероссийские «рельсовые войны», разразившиеся в мае 1998 г., заставили их изменить свой взгляд на реструктуризацию угольной отрасли в целом и положение рабочих в частности. Главному исполнительному органу страны пришлось признать прямую ответственность за многомесечные задержки «кровно заработанных». Правительство РФ стало быстрее гасить задолженности по зарплате, увеличило дополнительное финансирование отрасли, стало открывать стратегические запасы и т.д. Для решения этой проблемы были оперативно задействованы внутренние и внешние источники. Использование последних порой шло вразрез с международными обязательствами России, но на это не обращалось внимание. Хотя и не в полном объеме, деньги на погашение задолженности по зарплате все же шли. Причем их поток постепенно увеличивался и, что было немаловажно, имел «живое» содержание. Кроме того, с целью искоренения злоупотреблений деньгами, выделенными на зарплату рабочим, открывались единые расчетные счета [27. С. 209].

Начавшаяся в мае 1998 г. выплата долгов горнякам сопровождалась финансовой поддержкой депрессивных шахт и разрезов, реструктуризацией задолженности организаций угольной промышленности по всевозможным страховым взносам и начисленным пеням [28]. Это позволило ускорить процесс реформирования предприятий, оперативно решить самые острые проблемы в социальной сфере углепромышленных регионов, оживить деятельность многих шахт и разрезов, а в целом снять общественно-политическую напряженность.

Материально-финансовая поддержка угольной промышленности и социальной сферы шахтерских городов и поселков осуществлялась не только благодаря прямым, но и косвенным мерам воздействия. Главный исполнительный орган страны пошел навстречу руководителям шахтерских регионов, постепенно расширяя их финансово-экономические полномочия и устраняя барьеры на пути развития угледобывающей отрасли. Например, в июне 1998 г.

снизились тарифы на перевозки угля по всей сети железных дорог на 25% [29].

В середине 1998 г. положительные перемены произошли в решении таких задач угледобывающих предприятий, как: возврат долгов со стороны посреднических фирм, выполнение тарифного соглашения, увольнение скомпрометировавших себя директоров предприятий и компаний, нормализация системы взаиморасчетов, упорядочение налогообложения, проведение аудиторских проверок хозяйственной деятельности шахт и разрезов, увеличение капиталовложений в угледобывающую промышленность, индексация заработной платы, повышение тарифов оплаты труда, выполнение Правительством РФ обязательств по социальной защите населения и т.д. Степень выполнения данных задач на разных предприятиях, конечно же, отличалась, но она носила повсеместный характер.

Погашение долгов перед горняками продолжило и новое Правительство Е. Примакова. В 1999 г. на 200 млн руб. была снижена задолженность по заработной плате шахтерам. Этому во многом способствовала положительная динамика доходной части федерального бюджета. В результате более чем вдвое увеличился общий объем средств на государственную поддержку угольной отрасли. Кроме того, в том году наблюдался рост удельного веса «живых» денег (с 22 до 37,8% от общего объема) [30].

Однако увеличение финансирования угольной промышленности не могло в корне решить проблем рабочих, отрасль нуждалась в системном оздоровлении. Отставка правительства С. Кириенко после финансового дефолта и формирование нового Кабинета министров в сентябре 1998 г. не позволили фактически до октября выстраивать какую-либо четкую программу по выходу из кризиса угольной промышленности России. Поэтому федеральная власть поддерживала социально-экономическую стабильность в шахтерских регионах, фактически используя только дополнительные источники финансирования. Основой источников внутреннего характера являлось изменение бюджетной политики, повышение эффективности фискальных учреждений, в том числе на региональном уровне [31. Л. 6]. Из внешних факторов выделялась помощь международных финансово-экономических организаций, в первую очередь МВФ и МБРР.

Новые способы повышения эффективности угледобывающих предприятий и компаний обозначились осенью 1998 г. с появлением правительства Е. Примакова. Его концепция реализовывалась в двух основных направлениях. Первое – усиление государственного регулирования деятельности угольной промышленности. Второе – углубление и расширение рыночных преобразований. Правительство РФ стало укреплять свои позиции на угольном рынке, не подвергая при этом сомнению важность продолжения реструктуризации шахтерской отрасли [32]. Тем более по мере решения жизненно важных проблем горняков и роста угледобычи в стране государственная активность в этой сфере снижалась.

Первое направление свидетельствует о завершении эпохи «дикого капитализма» в угольной промышленности. Главными задачами государственного

вмешательства являлись: организация регулируемого рынка сбыта угля, формирование честной конкуренции между предприятиями и компаниями, поддержка смежных отраслей промышленности, создание конкурентных преимуществ российских шахтеров на международном уровне, действия по вытеснению с угольного рынка России иностранных конкурентов [31. Л. 11]. Происходило изменение системы бюджетного финансирования отрасли, реформировалась налоговая система, закреплялись в федеральной и региональной собственности стратегически важные угледобывающие компании, был создан «Угольный комитет» при Министерстве топлива и энергетики РФ, обновилось содержание «Основных направлений реструктуризации угольной промышленности России» и др. Таким образом, повышалась социально-экономическая ответственность государства перед трудящимися угольной промышленности.

Влиять на укрепление конкурентоспособности отечественных шахт и разрезов на международном уровне Правительству России оказалось сложнее. Между тем и здесь произошли положительные изменения. Во-первых, укрепление позиций отечественных компаний на внутреннем рынке автоматически улучшило их производственно-экономические показатели и способствовало росту их конкурентоспособности, в том числе на мировом уровне. Во-вторых, повысить рентабельность экспортно-ориентированных компаний позволила ликвидация «валютного коридора» в августе 1998 г. В итоге экспорт каменного угля из России увеличился с 24 млн тонн в 1998 г. до 27,8 млн тонн в 1999 г. [33].

Вторым направлением «новой» экономической политики правительства Е. Примакова стала интенсификация либеральных преобразований. Это выразилось в дальнейшей приватизации шахт и разрезов, корректировке законодательства, стимулировании роста эффективности производства и др. Первоочередное внимание отводилось курсу на приватизацию угольных компаний как важнейшему условию обеспечения их рентабельности. Это повысило приток в отрасль долгожданных инвестиций (в том числе иностранных), снизило издержки добычи угля, укрепило межотраслевые связи и т.д., а в общем позволило повысить конкурентоспособность российских шахт и разрезов. Уже в 1999 г. приватизированные предприятия стали демонстрировать лучшую динамику развития в сравнении с государственными [34. С. 135], что подчеркивало правильность избранного пути. Впервые за годы рыночных реформ угледобыча в стране стала расти, существенно поднялась производительность труда в отрасли, снизились травматизм и число несчастных случаев на угольном производстве [35; 36. С. 215; 37. С. 10]. Благодаря позитивным процессам в деле реформирования отрасли с 1999 г. средства господдержки все более ориентировались на цели структурных преобразований и социальную защиту высвобождаемых в ходе реструктуризации работников [38. С. 5], а не на закрытие убыточных шахт.

Повышение уровня экономической эффективности угледобывающих предприятий и компаний позволило сконцентрироваться на решении наиболее острых

вопросов рабочих. Важной особенностью деятельности правительства Е. Примакова стала реализация ответственной социальной политики в шахтерских городах и поселках. Как никогда ранее Правительство РФ показывало желание встать на путь социального партнерства с профсоюзами [39. Л. 181]. Из наиболее значимых мер главного исполнительного органа страны в 1999 г., по сравнению с 1998 г., выделяются следующие: увеличение финансирования из федерального бюджета мероприятий по социальной защите работников, высвобожденных при реструктуризации угольной отрасли; более четкие и конкретные формы и содержание приобрело социальное партнерство товаропроизводителей, профсоюзов, государства и местных органов власти в решении социальных проблем реструктуризации угольной отрасли и обеспечении жизнедеятельности в углепромышленных муниципальных образованиях и т.д. [40. С. 22; 41. С. 105].

Сложнее всего решались проблемы, связанные с безработицей. Ей посвящались заседания как самого Правительства, так и его комиссий. К созданию эффективного механизма трудоустройства привлекались руководители региональных администраций. Там, где закрытие шахт продолжилось, при активном участии федерального центра срочно создавались новые рабочие места. Проблему безработицы решали тремя способами. Первый – шахтеров переводили работать на другие (новые или более рентабельные) угледобывающие предприятия. Второй – им предлагали трудоустройство на предприятиях и организациях других отраслей хозяйства, например, в дорожном строительстве. Третьим и наиболее значимым способом ликвидации безработицы являлось вовлечение горняков в предпринимательскую деятельность.

Возможность заняться собственным бизнесом предоставлялась многовариантно. Имелись примеры «залпового» предоставления средств. В таких случаях работникам закрывавшихся предприятий вручали целевые денежные сертификаты (субсидии). Их размер соответствовал 20-месячной средней заработной плате [42. С. 8, 43; 43. С. 77]. На них шахтеры приобретали автомобили, тракторы или иные средства, позволявшие зарабатывать на жизнь [14. С. 93; 44. С. 1; 45. С. 1]. Такой вариант ликвидации безработицы использовали МВК и другие специализированные организации.

Системная деятельность по вовлечению освобождаемых шахтеров в предпринимательство осуществлялась посредством разнообразных, но конкретных программ, с привлечением денег угольных траншей [46. Л. 8]. К их реализации порой подключались и иностранные консультанты. Британский фонд «Ноу-хау», например, активно содействовал становлению малого предпринимательства в Кемеровской и Ростовской областях [14. С. 92; 47]. В общем, в 1999 г. в углепромышленных территориях было введено 588 новых рабочих мест по добыче угля (в 1998 г. только 242), 8929 рабочих мест в сфере малого и среднего бизнеса других отраслей [16. С. 38].

С осени 1998 г. одним из важных направлений социальной политики федерального Правительства стало возобновление решения такой важной проблемы, как переселение шахтерских семей из районов Край-

него Севера и приравненных к ним местностей. Количество горняков и членов их семей, переселившихся в центральные районы страны, увеличилось в 17 раз [48. С. 127].

Таким образом, процесс решения социально-экономических проблем шахтеров на уровне Правительства РФ имел «догоняющий» характер. Только в конце рассматриваемого периода на федеральном уровне были приняты меры, обеспечившие стабильную и конкурентоспособную работу шахт и разрезов. Заметно возросли тогда и действия по социальной защите населения углепромышленных территорий, что позволило снизить мощь протестного движения шахтеров. Однако даже в конце 1999 г. Правительство РФ так и не сумело в полной мере решить весь комплекс жизненно важных вопросов рабочих угольной промышленности. Немаловажно и то, что продолжали доминировать командно-административные методы

выхода из кризисной ситуации. Правовое поле решения вопросов углепромышленных территорий существенно отставало от реальной картины жизни.

В целом положительные результаты экономической и социальной деятельности органов власти и управления позволили сохранить в углепромышленных территориях общественно-политическую стабильность. При этом ряд не решенных вопросов поставил под сомнение перспективы развития угольной промышленности. В этих условиях заметно возросла ответственность владельцев угледобывающих предприятий и компаний за результаты не только экономической, но и социальной деятельности. Однако институциональные основы этой деятельности были еще в зачаточном состоянии, что способствовало консервации командно-административных методов решения жизненно важных проблем российских шахтеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожков А.А., Соловенок И.С. Основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418.
2. Письмо В.И. Спицына (председателя трудового коллектива шахты «Зенковская») Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Госкомимущества РФ Чубайсу А.Б., 1 декабря 1993 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5674.
3. Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М., 1998.
4. Радчиков В. Рельсовое перемирие // Трибуна (Сыктывкар). 1998. 25 декабря.
5. Протокол № 2/98 заседания совета директоров ОАО «Интауголь» (по заочной форме), г. Инта, 28 февраля 1998 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 2594.
6. Авласевич В. Феномен «Полысаевской». Рынок: проблемы, решения // Городская газета (Ленинск-Кузнецкий). 1998. 27 января.
7. Носырев Е. «Джой» начинает грызть пласты // Городская газета. 1997. 18 ноября.
8. Выписка из протокола № 6/98 заседания совета директоров ОАО «Интауголь», г. Москва, 3 июня 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2594.
9. Хроника трудового подвига. Междуреченск, 2005.
10. Ильясова Г. Лидеры НПП в столичных коридорах власти с мыслями о голодовке // Заполярье (Воркута). 1997. 13 декабря.
11. Отчет о деятельности Центра занятости населения г. Артема за 1994 г. // Архивный отдел администрации Артемовского городского округа (Приморский край). Ф. 110. Оп. 1. Д. 11.
12. Майдаров В. В какого «дурака» играют профсоюзы – подкидного или переводного? // Шахтерская правда (Прокопьевск). 1998. 13 марта.
13. «Я предлагаю выход...» // Контакт (Междуреченск). 1998. 2 мая.
14. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004.
15. Стенограмма встречи заместителя Председателя Правительства России О.Н. Сысуева с представителями забастовочных комитетов, лидерами профсоюзов, руководителями предприятий, организаций, главами городов Кемеровской области, г. Кемерово, 19 июля 1998 года // Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р.-1345. Оп. 1. Д. 403.
16. Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Трансформация социально-экономических механизмов структурных преобразований в угольной промышленности России // Горная промышленность. 2015. № 5.
17. Pleines H. Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse. Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, Bremen. 2006. № 80.
18. Бирюков С. Политика. Общество, власть и фактор лидерства // Свободная мысль-21. 2003. № 4.
19. Худобин Е. Уголь «Черниговского»: лучше черен да горюч, чем к воровским рукам липуч // Кузбасс (Кемерово). 2000. 2 февраля.
20. Дюпин А.Ю. Угольная промышленность Кузбасса и ее перспективы // Уголь. 2005. № 4.
21. Кузбасс начинает и выигрывает // Кузбасс. 2000. 2 февраля.
22. Протокол схода жителей п. Углекаменск, 1999 г. // Архив Партизанского городского округа (Приморский край). Ф. 35. Оп. 1. Д. 362.
23. Буфина Н.Э. Развитие системы социального партнерства на угольных предприятиях Кузбасса в XXI в. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012.
24. Бирюкова О.В. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса в середине 1980-х – начале 2000-х гг. (на примере г. Кемерово) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012.
25. Ротин В.Г., Черни А.В. Роль ассоциации шахтерских городов в решении социальных проблем угольных муниципалитетов // Уголь. 2001. № 3.
26. Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса. Прокопьевск, 1995.
27. Лень П.М. Горбатый мост или Прозрение в преисподней. М., 1999.
28. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357> (дата обращения: 20.10.2015).
29. Тарифы снижаются // Искра (Инта). 1998. 4 июня.
30. Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливо-энергетический комплекс России. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).
31. Протокол заседания Правительства РФ от 21.08.98 // ГАРФ. Ф.-10104. Оп. 1. Д. 3.
32. Второе рождение указа № 777 // Заполярье. 1998. 9 октября.
33. Экспорт важнейших видов промышленных товаров из Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm (дата обращения: 15.04.2016 г.).
34. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
35. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. URL: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016).

36. Harte S., Grävingholt J., Pleiners H., Schröder H.-H. *Geschäfte mit der Macht*. Bremen, 2003.
37. Бирюков С. Политическая динамика Кузбасса на рубеже XX и XXI веков // Свободная мысль. XXI. 2003. 30 апреля.
38. Щадов В.М. Рост рентабельности угольного производства // Уголь. 2005. № 8.
39. Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, 22 ноября 1999 г. // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Ф. Р-1127. Оп. 2. Д. 57.
40. Социальные проблемы и программы местного развития угольных регионов России // Информационный вестник. 2000. № 2.
41. Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. М., 2000. Т. III.
42. Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф).
43. Пяткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9.
44. Кочетков А. В Шахты прибыл вице-премьер Б.Е. Немцов // Пласт (Шахты). 1998. № 33 (50). Август.
45. Кузнецов Н. Программы местного развития. Шахтерам – шахтерово // Наша газета (Кемерово). 1999. 5 июня.
46. Проект Закона Ростовской области по охране труда, приложение к решению президиума Правительства Ростовской области от 12 января 2000 г. № 3 // Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-4495. Оп. 3. Д. 22.
47. Малый бизнес должен стать делом шахтеров // Заполярье. 1998. 11 августа.
48. Соловенко И.С. Основные направления нейтрализации протестного движения шахтеров России в 1992–1999 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2017 г.

ON SOLVING THE SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF RUSSIAN MINERS IN THE 1990S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 169–177.

DOI: 10.17223/15617793/427/23

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Ronél Ferreira, University of Pretoria (Pretoria, South Africa). E-mail: ronelferreia@up.ac.za

Vladislav G. Lizunkov, Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: vladeslave@rambler.ru

Ekaterina V. Politsinskaya, Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: Katy031983@mail.ru

Keywords: Russian Federation; liberalization; miners; social and economic problems; decision.

The aim of the research is to reveal the main levels, approaches and methods of solving the socio-economic problems of Russian miners in the 1990s. The content of the article is based on various groups of sources: normative-legal, business-related documentation, periodicals, statistical and reference-statistical materials. A key role in the formation of an objective view of the processes that took place was played by records management documents extracted from the funds of federal, regional and municipal archives. The authors of the article draw attention to the fact that in the early 1990s, Russian miners found themselves in a social and economic impasse; and their problems were resolved at the level of administrations of enterprises, local and regional authorities, as well as the Government of the Russian Federation. Attention is focused on the fact that at the beginning of the period under consideration the initiative to solve the socio-economic problems of miners belonged to the management of mines and sections. In general, the actions of enterprise managers made it possible for the coal industry to save its productive potential and provide targeted social assistance to the workers. However, these actions had an objective limitation. The authors of the article believe that the main support in the socio-economic activities of the heads of coal enterprises were local and regional authorities. The most important in their activities were the continued struggle against attempts to quickly close the mines and defending additional measures of financial support for mining towns and settlements from the federal center. The analysis of sources and literature showed that the positive result of the efforts of the heads of enterprises and coal-mining territories largely depended on the actions of the Government of the Russian Federation. Until the mid-1990s such actions were passive. The creation in late 1997 of state structures such as Sotsugol and GURSH allowed the gradual development of organizational and regulatory mechanisms for restructuring and optimizing its financial support. The final conclusion can be the following: positive results of economic and social activities of the authorities and management allowed maintaining socio-political stability in the coal-industrial territories. At the same time, a number of unsolved issues cast doubt on the prospects for the development of the coal industry. Under these conditions, the responsibility of owners of coal mining enterprises and companies for the results not only of economic but also of social activity increased noticeably. However, the institutional foundations of this activity were still in its infancy, which contributed to the preservation of command and administrative methods for solving the vital problems of Russian miners.

REFERENCES

1. Rozhkov, A.A. & Solovenko, I.S. (2017) Major trends in Russian coal industry in the late 20th - early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 124–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/16
2. State Archive of the Russian Federation. Fund 10200. List 4. File 5674. *Pis'mo V.I. Spitsyna (predsedatelya trudovogo kollektiva shakhty "Zenkovskaya") Prezidentu RF B.N. El'tsinu, Predsedatelyu Goskomimushchestva RF Chubaysu A.B., 1 dekabrya 1993 g.* [Letter from V.I. Spitsyn (chairman of the work collective of the Zenkovsky mine) to President of the Russian Federation Boris N.N. Yeltsin and Chairman of the State Property Committee of the Russian Federation A.B. Chubais, December 1, 1993].
3. Popov, V.N. & Rozhkov, A.A. (1998) *Sotsial'nye problemy v ugledobyvayushchikh regionakh pri strukturnoy perestroyke ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Social problems in the coal-mining regions in the restructuring of the Russian coal industry]. Moscow: [s.n.].
4. Radchikov, V. (1998) Rel'sovoe peremirye [Rail truce]. *Tribuna*. 25 December.
5. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-1659. List 1. File 2594. *Protokol № 2/98 zasedaniya soveta direktorov OAO "Intaugol"* (po zaochnoy forme), g. Inta, 28 fevralya 1998 g. [Minutes No. 2/98 of the meeting of the Board of Directors of OJSC Intaugol (by correspondence), Inta, February 28, 1998].
6. Avlasevich, V. (1998) Fenomen "Polysaevskoy". Rynok: problemy, resheniya [The phenomenon of "Polysaevskaya". Market: problems, solutions]. *Gorodskaya gazeta*. 27 January.
7. Nosyrev, E. (1997) "Dzhoy" nachinaet gryzt' plasty ["Joy" begins to gnaw layers]. *Gorodskaya gazeta*. 18 November.
8. National Archive of the Republic of Komi. F.R-1659. List 1. File 2594. *Vypiska iz protokola № 6/98 zasedaniya soveta direktorov OAO "Intaugol"*, g. Moskva, 3 iyunya 1998 g. [Extract from Minute No. 6/98 of the meeting of the Board of Directors of OJSC Intaugol, Moscow, June 3, 1998].
9. Korolev, B.A. (ed.) (2005) *Khronika trudovogo podviga* [Chronicle of the labor feat]. Mezhdurechensk: Kontakt.

10. Il'yasova, G. (1997) Lidery NPG v stolichnykh koridorakh vlasti s myslyami o golodovke [Leaders of the Independent Miners' Union in the capital's corridors of power with thoughts of a hunger strike]. *Zapolyar'e*. 13 December.
11. Archive Department of the Administration of the Artyom urban district (Primorsky Krai). Fund 110. List 1. File 11. *Otchet o deyatelnosti Tsentra zanyatosti naseleniya g. Artyom za 1994 g.* [Report on the activities of the Employment Center of Artyom for 1994].
12. Maydarov, V. (1998) V kakogo "duraka" igrayut profsoyuzy – podkidnogo ili perevodnogo? [What kind of "Durak" are the trade unions playing: throw-in or passing?]. *Shakhterskaya pravda*. 13 March.
13. Kontakt. (1998) "Ya predlagayu vykhod..." ["I suggest a way out..."]. *Kontakt*. 2 May.
14. Adaev, E. et al. (2004) *Den' shakhtera (restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti glazami uchastnikov i zhurnalistov)* [Miner's Day (restructuring of the coal industry through the eyes of the participants and journalists)]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
15. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund R-1345. List 1. File 403. *Stenogramma vstrechi zamestitelya Predsedatelya Pravitel'stva Rossii O.N. Sysueva s predstaviteleyami zabastovochnykh komitetov, liderami profsoyuzov, rukovoditelyami predpriyatiy, organizatsiy, glavami gorodov Kemerovskoy oblasti, g. Kemerovo, 19 iyulya 1998 goda* [Transcript of the meeting of Deputy Prime Minister of the Russian Government O.N. Sysuev with representatives of strike committees, trade union leaders, heads of enterprises, organizations, heads of cities of Kemerovo Oblast, Kemerovo, July 19, 1998].
16. Rozhkov, A.A., Anistratov, M.K. & Frolov, A.A. (2015) Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh mekhanizmov strukturnykh preobrazovaniy v ugol'noy promyshlennosti Rossii [Transformation of socio-economic mechanisms of structural transformations in the Russian coal industry]. *Gornaya promyshlennost'*. 5.
17. Pleines, H. (2006) Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse [The Political Influence of coal lobbies in Poland, Russia and Ukraine. A comparative policy analysis]. *Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa*. 80.
18. Biryukov, S. (2003) Politika. Obshchestvo, vlast' i faktor liderstva [Politics. Society, power and the leadership factor]. *Svobodnaya mysl'*. 21. 4.
19. Khudobin, E. (2000) Ugol' "Chernigovskogo": luchshe cheren da goryuch, chem k vorovskim rukam lipuch [The coal of Chernigovskiy: better black and flammable than sticking to thieves' hands]. *Kuzbass*. 2 February.
20. Dyupin, A.Yu. (2005) Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa i ee perspektivy [Coal industry of Kuzbass and its prospects]. *Ugol'*. 4.
21. Kuzbass. (2000) Kuzbass nachinaet i vyigryvaet [Kuzbass begins and wins]. *Kuzbass*. 2 February.
22. Archive of Partizansk urban district (Primorsky Krai). Fund 35. List 1. File 362. *Protokol skhoda zhiteley p. Uglekamensk, 1999 g.* [Minutes of the meeting of residents of the village of Uglekamensk, 1999].
23. Bufina, N.E. (2012) Razvitie sistemy sotsial'nogo partnerstva na ugol'nykh predpriyatiyakh Kuzbassa v XXI v. [Development of the social partnership system at the coal enterprises of Kuzbass in the 21st century]. In: Zelenin, A.A. et al. (eds) *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and industrial potential of Russian regions]. Kemerovo: Kemerovo State University.
24. Biryukova, O.V. (2012) Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa v seredine 1980-kh – nachale 2000-kh gg. (na primere g. Kemerovo) [Restructuring of the coal industry of Kuzbass in the mid-1980s – early 2000s (on the example of Kemerovo)]. In: Zelenin, A.A. et al. (eds) *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and industrial potential of Russian regions]. Kemerovo: Kemerovo State University.
25. Rotin, V.G. & Cherni, A.V. (2001) Rol' assotsiatsii shakhterskikh gorodov v reshenii sotsial'nykh problem ugol'nykh munitsipalitetov [The role of the Association of Mining Cities in solving the social problems of coal municipalities]. *Ugol'*. 3.
26. Lopatin, L.N. (1995) *Istoriya rabochego dvizheniya Kuzbassa* [The history of the working-class movement of Kuzbass]. Prokopyevsk: [s.n.].
27. Len', P.M. (1999) *Gorbatyy most ili Prozenie v preispodney* [A humpbacked bridge, or Insight in the underworld]. Moscow: Forum.
28. Kremlin.ru. (1998) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O merakh po stabilizatsii sotsial'no-ekonomicheskoy obstanovki v ugledobnyayushchikh regionakh"* [Decree of the President of the Russian Federation "On measures to stabilize the socio-economic situation in coal-mining regions"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357>. (Accessed: 20.10.2015).
29. Iskra. (1998) Tarify snizhayutsya [Tariffs are decreasing]. *Iskra*. 4 June.
30. Federalbook.ru. (c. 1999) *Problemy i perspektivy razvitiya ugol'noy promyshlennosti* [Problems and prospects of development of the coal industry]. [Online] Available from: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderzhanie/FS-7/IV/Problemy%20i%20perspektivi.pdf>. (Accessed: 02.02.2017).
31. State Archive of the Russian Federation. Fund 10104. List 1. File 3. *Protokol zasedaniya Pravitel'stva RF ot 21.08.98* [Minutes of the meeting of the Government of the Russian Federation of August 21, 1998].
32. Zapolyar'e. (1998) Vtoroe rozhdenie ukaza № 777 [The second birth of Decree No. 777]. *Zapolyar'e*. 9 October.
33. State Statistics Committee. (2002) *Eksport vazhneyshikh vidov promyshlennykh tovarov iz Rossiyskoy Federatsii* [Export of the most important types of industrial goods from the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm. (Accessed: 15.04.2016 g.).
34. Kozhukhovskiy, I.S. (2003) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Restructuring of the Russian coal industry]. Economics Cand. Diss. Moscow.
35. State Statistics Committee. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiyskoy Federatsii v 1992–2008 gg.* [Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1992–2008]. [Online] Available from: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (Accessed: 02.04.2016).
36. Harte, S., Gravingholt, J., Pleiniers, H. & Schröder, H.-H. (2003) *Geschäfte mit der Macht* [Doing business with power]. Bremen: Edition Temmen.
37. Biryukov, S. (2003) Politicheskaya dinamika Kuzbassa na rubezhe XX i XXI vekov [Political dynamics of the Kuzbass at the turn of the 21st century]. *Svobodnaya mysl'*. XXI. 30 April.
38. Shchadov, V.M. (2005) Rost rentabel'nosti ugol'nogo proizvodstva [Growth of profitability of coal production]. *Ugol'*. 8.
39. Center for Archival Documents Storage in Shakhty, Rostov Oblast. Fund R-1127. List 2. File 57. *Protokol zasedaniya prezidiuma Rostovskogo territorial'nogo komiteta Rossiyskogo nezavisimogo profsoyuza rabotnikov ugol'noy promyshlennosti, 22 noyabrya 1999 g.* [Minutes of the meeting of the Presidium of the Rostov Territorial Committee of the Russian Independent Trade Union of Coal Industry Workers, November 22, 1999].
40. Informatsionnyy vestnik. (2000) Sotsial'nye problemy i programmy mestnogo razvitiya ugol'nykh regionov Rossii [Social problems and programs of local development of the coal regions of Russia]. *Informatsionnyy vestnik*. 2.
41. Rosinformugol'. (2000) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1999 god* [Coal industry of the Russian Federation for 1999]. Vol. 3. Moscow: Rosinformugol'.
42. Current Archive of the Independent Trade Union of Coal Industry Workers (Rosugleprof) *Kollektivnye deystviya Rossiyskogo nezavisimogo profsoyuza rabotnikov ugol'noy promyshlennosti* [Collective Actions of the Russian Independent Trade Union of Coal Industry Workers].
43. Pyatkin, A.M. (2005) Sotsial'naya napryazhennost' v ugledobnyayushchikh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva [Social tension in coal-mining regions: the social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*. 9.
44. Kochetkov, A. (1998) V Shakhty pribyl vitse-prem'er B.E. Nemtsov [Vice-Premier B.E. Nemtsov visits Shakhty]. *Plast*. 33 (50). August.
45. Kuznetsov, N. (1999) Programmy mestnogo razvitiya. Shakhteram – shakhterovo [Local development programs. Miner business to miners]. *Nasha gazeta*. 5 June.
46. State Archive of Rostov Oblast. Fund R-4495. List 3. File 22. *Proekt Zakona Rostovskoy oblasti po okhrane truda, prilozhenie k resheniyu prezidiuma Pravitel'stva Rostovskoy oblasti ot 12 yanvarya 2000 g. № 3* [The draft law of Rostov Oblast on labor protection, an annex to the decision of the Presidium of the Government of Rostov Oblast of January 12, 2000 No. 3].
47. Zapolyar'e. (1998) Malyy biznes dolzhen stat' delom shakhterov [Small business should become a business of miners]. *Zapolyar'e*. 11 August.
48. Solovenko, I.S. (2016) Principal directions to control protest campaigns of Russian miners in 1992–1999. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 117–130. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/16

Received: 16 October 2017